

РЕШЕНИЕ

Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга по дисциплинарному производству № в отношении адвоката И.

10.04.2026

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов АП СПб Саськова К.Ю., Пановой В.С., членов Совета Зеленского А.В., Ибряновой Г.А., Кониной Н.Н., Краузе С.В., Морозова М.А., Пашинского М.Л., Передрука А.Д., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В., в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА) рассмотрев 10.04.2026 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката **И.** (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 07.04.2025 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката И. послужила жалоба адвоката С.В.В., поступившая в АП СПб 02.04.2025; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 10.04.2025.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 18.12.2025 в действиях (бездействии) адвоката И. отсутствуют нарушения норм профессиональной этики и законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Суть дисциплинарных претензий, заявленных адвокатом С.В.В. в отношении адвоката И., сводится к тому, что в нарушение положений п. 3 ст. 13 КПЭА последний в предварительных слушаниях Красногвардейского районного суда Санкт-Петербурга по уголовному делу № , защищая права и свободы его доверителя А.П.Н., заявил ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору в том числе по мотиву необходимости переквалификации деяний других обвиняемых (включая доверителя адвоката С.В.В. – А.Ю.С.) на более тяжкие составы преступлений.

Указанные обстоятельства подтверждаются представленными в материалы дисциплинарного дела доказательствами, а именно копиями протокола судебного заседания от 23.12.2024, ходатайства адвоката И. о возвращении уголовного дела прокурору, а также постановления Красногвардейского районного суда Санкт-Петербурга от 24.03.2025, согласно которому судом возвращено уголовное дело прокурору, в том числе в связи с наличием оснований для квалификации действий обвиняемых как более тяжкого преступления.

Согласно листам обвинительных заключений, после возвращения уголовного

дела квалификация деяний доверителя адвоката С.В.В. была изменена следственным органом на более тяжкую.

Квалифкомиссия, оценивая данные доказательства, признала их относимыми, однако указала, что они лишь фиксируют факт подачи ходатайства и наступившие процессуальные последствия, но не раскрывают мотивов адвоката И. и не свидетельствуют сами по себе о нарушении норм профессиональной этики и законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, КПЭА.

По мнению Квалифкомиссии, адвокат И. представил доказательства, которые свидетельствуют о добросовестности его поведения: письменные объяснения от 12.05.2025 и 03.12.2025, адвокатский опрос доверителя А.П.Н. от 12.05.2025, скриншоты переписки с ней в мессенджерах, материалы на 265 листах, обосновывающие версию защиты об оговоре со стороны других обвиняемых, а также апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 05.06.2025, которым оставлено без изменения решение суда первой инстанции о возврате дела прокурору.

Квалифкомиссия оценила эти доказательства как достаточные, чтобы установить, что позиция о возвращении уголовного дела была не личной инициативой адвоката, а результатом согласования её с доверителем, которая настаивала на доказывании своей невиновности и считала, что орган предварительного расследования необоснованно квалифицировал деяния соучастников как менее тяжкие.

Кроме того, Квалифкомиссия приняла во внимание, что адвокат И. предпринял попытку согласовать единую линию защиты с адвокатом С.В.В. и адвокатом Ж.И.А., осуществляющих защиту других обвиняемых по уголовному делу, непосредственно перед заседанием, что стороны дисциплинарного производства не оспаривали, однако адвокат С.В.В. отказался от такого согласования.

Оценивая совокупность этих доказательств, Квалифкомиссия пришла к выводу, что адвокат И. действовал в строгом соответствии с волей доверителя, не имея права отступать от неё, и использовал процессуальный механизм (возврат дела по п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ), который на стадии предварительного слушания позволял добиться переоценки доказательств и изменения квалификации, что соответствовало правовым ожиданиям его доверителя.

При этом Квалифкомиссия отметила, что апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда подтвердило обоснованность возвращения уголовного дела прокурору, указав, что существо предъявленного обвинения действительно требовало квалификации действий соучастников как более тяжкого преступления, а значит, позиция И. не была надуманной или заведомо недобросовестной.

Таким образом, Квалифкомиссия пришла к выводу об отсутствии нарушения п. 3 ст. 13 КПЭА в действиях (бездействии) адвоката И., поскольку адвокат реализовал согласованную с доверителем позицию, действовал открыто, пытался скоординировать усилия с другими защитниками, и его поведение не выходило за пределы разумной и добросовестной защиты, а презумпция добросовестности адвоката не была опровергнута заявителем.

В соответствии с п. 3 ст. 24 КПЭА участники дисциплинарного производства не позднее десяти суток с момента вынесения квалификационной комиссией заключения вправе представить через её секретаря в Совет письменное заявление, в котором

выражены несогласие с заключением или его поддержка.

В письменном заявлении, поступившем в АП СПб от 01.04.2026, заявитель адвокат С.В.В. выражает несогласие с заключением Квалифкомиссии от 18.12.2025, указывает, что Квалифкомиссия «произвольно трактует ст. 47 УПК РФ», обращает внимание на то, что своими действиями адвокат И. значительно ухудшил права его доверителя, в результате которых статья обвинения сменилась на тяжкую, с преступления средней тяжести, Тем самым ухудшились правовые последствия более тяжкого обвинения.

Кроме того, адвокат С.В.В. просит рассмотреть дело в его отсутствие.

Процедурные основы дисциплинарного производства установлены разделом 2 КПЭА (ст. 19-26) и наделяют его стороны эффективными механизмами реализации права быть услышанным (*audi alteram partem* – выслушать обе стороны).

Совет АП СПб напоминает участникам дисциплинарного производства о необходимости соблюдения требований положений КПЭА, регулирующих процедуру рассмотрения дисциплинарных производств, в том числе относительно сроков предоставления письменных позиций.

Вместе с тем, поскольку всем участникам предоставляются равные права изложить свои доводы в поддержку или против заключения квалификационной комиссии, высказаться по существу предлагаемых в отношении адвоката мер дисциплинарной ответственности, Совет АП СПб принимает во внимание заявление адвоката С.В.В., поступившее в АП СПб 01.04.2026, в котором выражено несогласие с заключением Квалифкомиссии, и учитывает содержащиеся в нём доводы и аргументы при принятии настоящего решения.

Адвокат И. письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направил.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 10.04.2026 были извещены надлежащим образом, на заседание не явились, представителей не направили, об отложении слушания дела не ходатайствовали.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб приходит к следующему.**

Приходя к выводу об отсутствии в действиях адвоката И. состава дисциплинарного проступка, Квалифкомиссия отметила, что его действия обусловлены волей доверителя, которая, среди прочего, требовала «справедливого и равного отношения к каждому обвиняемому», задаваясь вопросом «почему она обвиняется в совершении тяжкого преступления, а другие обвиняемые, из-за которых она оказалась втянутой в это уголовное дело, обвиняются в совершении преступления средней тяжести, хотя по формуле обвинения они все связаны единым умыслом».

Соглашаясь с доводами адвоката И., Квалифкомиссия пришла к выводу, что адвокат И. реализовывал законную и правомерную волю доверителя, а с учётом стадии производства по уголовному делу, достичь этого результата можно было только путём возвращения уголовного дела прокурору.

По мнению Квалифкомиссии адвокат И. обоснованно полагал, что «только

безапелляционное возвращение уголовного дела прокурору позволит на стадии предварительного следствия принять и оценить новые доказательства (в том числе невиновности А.П.Н.) и переоценить их в совокупности с собранными».

Совет АП СПб считает необходимым отметить следующее.

В соответствии с п. 14 ст. 23 КПЭА: «Заключение комиссии должно быть мотивированным и обоснованным и состоять из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей... Описательная часть заключения должна содержать указание на предмет жалобы или представления (обращения), объяснения адвоката. В мотивировочной части заключения должны быть указаны фактические обстоятельства, установленные комиссией, доказательства, на которых основаны ее выводы, и доводы, по которым она отвергает те или иные доказательства, а также правила, предусмотренные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, настоящим Кодексом, которыми руководствовалась комиссия при вынесении заключения».

Заключение Квалифкомиссии может быть признано таковым, если Квалифкомиссия при его вынесении исходила из материалов дисциплинарного дела, рассмотренных в её заседании, сделала выводы, основываясь на полно и всесторонне установленных ею фактах, имеющих юридическое значение, и правильно применила правила, предусмотренные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА.

Требование о мотивированности заключения Квалифкомиссии также означает, что оно должно содержать мотивы принятого решения по всем его аспектам, касающимся предмета дисциплинарного разбирательства, а выводы Квалифкомиссии должны быть логичны, подкреплены соответствующими аргументами и основаны на исследованных ею доказательствах.

По смыслу приведённых выше взаимосвязанных положений КПЭА квалификационная комиссия должна проанализировать все выдвинутые заявителем дисциплинарные обвинения, а также содержащиеся в жалобе доводы заявителя и в случае их отклонения – указать в заключении, почему они являются неправильными или несущественными, какими доказательствами опровергаются.

Это же относится и к контрдоводам адвоката, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство.

Между тем заключение Квалифкомиссии от 12.12.2025 данным требованиям отвечает не в полной мере.

Как было указано выше, Квалифкомиссия признала, что в действиях адвоката И. отсутствует дисциплинарный проступок, поскольку он действовал в соответствии с волей доверителя, чья позиция реализовывалась через ходатайство о возвращении дела прокурору, поскольку, как отмечает Квалифкомиссия, соглашаясь с соответствующим доводом адвоката И., только на данной стадии уголовного дела было возможно добиться пересмотра доказательств, в том числе в пользу невиновности доверителя.

В частности, Квалифкомиссия признала обоснованной позицию адвоката о необходимости «безусловных оснований для возвращения уголовного дела прокурору», так как «в ином случае согласованный с доверителем план не мог быть реализован, поскольку содержал часть действий, реализация которых может быть осуществлена только в стадии предварительного следствия».

Делая вывод об отсутствии в действиях адвоката И. нарушения п. 3 ст. 13 КПАЭ, Квалифкомиссия не привела в заключении мотивов, по которым пришла к выводу о невозможности в полной мере осуществить защиту доверителя без ссылки на основание, влекущее ухудшение положения иных обвиняемых.

Согласно п. 3 ст. 13 КПАЭ адвокат-защитник не должен без необходимости ухудшать положение других подсудимых. Всякие действия адвоката, направленные против других подсудимых, чьи интересы противоречат интересам подзащитного, оправданы лишь тогда, когда без этого не может быть осуществлена в полной мере защита его доверителя.

Таким образом, из данной нормы прямо следует, что воля доверителя сама по себе не является безусловным основанием для ухудшения положения иных обвиняемых; подобные действия допустимы только при наличии объективной и неизбежной необходимости для защиты.

Из материалов дисциплинарного производства усматривается, что адвокат И., желая возвращения уголовного дела в отношении его доверителя прокурору, обосновывал соответствующее ходатайство двумя субстантивными основаниями:

- невручение доверителю копии обвинительного заключения (п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ);
- наличие оснований для квалификации действий других обвиняемых как более тяжкого преступления (п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

Из заключения Квалифкомиссии не усматриваются мотивы, по которым ею была исключена возможность признания первого основания достаточным для защиты интересов доверителя адвоката И.

Так, адвокату И. было достоверно известно о наличии существенного процессуального нарушения – отсутствии вручения обвинительного заключения его доверителю, что подтверждалось полученным адвокатом заключением специалиста № 065.10-24 П ВС от 05.11.2024, согласно которому «подписи от имени А.П.Н., изображение которых имеется в копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого ... выполнены не А.П.Н. ..., а иным лицом с подражанием почерку ... Подписи от имени А.П.Н., изображение которых имеется в копии расписки от 30.09.2024 – выполнены не А.П.Н. ..., а иным лицом с подражанием почерку ...» (л. 76 материалов дисциплинарного производства).

Адвокат И. предоставил в суд указанное заключение специалиста и ходатайствовал о проведении судебной почерковедческой экспертизы.

При таких обстоятельствах адвокат И. имел все основания рассчитывать на возвращение уголовного дела прокурору по основанию, не затрагивающему интересы иных обвиняемых.

Квалифкомиссия в заключении не мотивировала, почему ссылка на второе основание – предполагающее ухудшение положения других обвиняемых – не носила избыточный характер.

Квалифкомиссия данный аспект не исследовала и не мотивировала, почему защита интересов доверителя не могла быть достигнута без ухудшения положения иных лиц.

Более того, Совет АП СПб не может согласиться с выводами Квалифкомиссии о невозможности защиты прав А.П.Н. – доверителя адвоката И. – на иной стадии, нежели

на стадии предварительного следствия.

Квалифкомиссия, опираясь на опрос А.П.Н. от 12.05.2025, возражения адвоката И., указывает, что «в качестве шагов по надлежащей защите интересов А.П.Н., были определены следующие: любым способом возратить уголовное дело прокурору; при проведении дополнительных следственных действий – добиваться назначения дополнительных экспертиз, приобщения дополнительных материалов, исключения недопустимых доказательств, которые направлены на опровержение показаний А.Ю.С., доказывание версии А.П.Н.»

Таким образом, адвокат И. в рамках избранной стратегии и тактики ведения дела полагал, что для невиновности его доверителя необходимо (1) назначить дополнительные экспертизы; (2) приобщить дополнительные доказательства; (3) исключить недопустимые доказательства.

В соответствии с ч. 1 ст. 283 УПК РФ по ходатайству сторон или по собственной инициативе суд может назначить судебную экспертизу. Суд по ходатайству сторон либо по собственной инициативе назначает повторную либо дополнительную судебную экспертизу при наличии противоречий между заключениями экспертов, которые невозможно преодолеть в судебном разбирательстве путем допроса экспертов (ч. 4).

Положениями п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ предусмотрено право адвоката собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, с момента вступления в уголовное дело.

Согласно требованиям ст. 120 УПК РФ, ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу. Письменное ходатайство приобщается к уголовному делу, устное – заносится в протокол судебного заседания.

Наконец, в силу ч. 1 ст. 235 УПК РФ стороны вправе заявить ходатайство об исключении из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве, любого доказательства.

Квалифкомиссия не дала оценки тому, позволяют ли указанные выше положения закона осуществить адвокату И. действия (назначение экспертиз, представление дополнительных доказательств, исключение недопустимых доказательств), на которые он ссылаясь, в рамках судебного следствия без возвращения уголовного дела прокурору, что свидетельствует о неполноте проведенного анализа.

Таким образом, соглашаясь с доводами адвоката И., о необходимости добиться возвращения уголовного дела прокурору, Квалифкомиссия не дала оценки доводу о том, могли ли указанные действия быть реализованы на стадии судебного разбирательства без возвращения дела прокурору

При таких обстоятельствах вывод Квалифкомиссии об отсутствии в действиях адвоката И. нарушения норм профессиональной этики адвоката нельзя признать в полной мере мотивированным и обоснованным.

В совокупности изложенное свидетельствует о том, что Квалифкомиссия не дала надлежащей оценки наличию у адвоката И. альтернативного способа защиты интересов доверителя, не связанного с ухудшением положения других обвиняемых, и, как следствие, не проверила, была ли такая мера действительно необходимой в смысле п. 3 ст. 13 КПЭА.

Резюмируя вышеизложенное, Совет АП СПб обращает внимание на то, что:

– в заключении не приведены мотивы, по которым Квалифкомиссия пришла к

выводу о невозможности защиты доверителя без ухудшения положения других обвиняемых;

– в заключении не раскрыто, почему ссылка на иное, не затрагивающее интересы других обвиняемых основание для возврата дела прокурору, не исключала необходимости заявлять в ходатайстве и второе основание;

– заключение не содержит завершённой правовой оценки критерия необходимости, предусмотренного п. 3 ст. 13 КПЭА;

– из текста заключения не усматривается, что Квалифкомиссия сопоставила установленную ею фактическую основу с требованием п. 3 ст. 13 КПЭА о допустимости ухудшения положения иных обвиняемых только при невозможности иначе в полной мере защитить доверителя.

Между тем Совет АП СПб учитывает, что в силу ст. 25 КПЭА он связан выводами Квалифкомиссии и не вправе, при отсутствии установленного ею дисциплинарного проступка, прийти к противоположному выводу о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА.

При таком положении заключение Квалифкомиссии не может быть признано соответствующим требованиям КПЭА, а Совет АП СПб лишён возможности принять по дисциплинарному производству законное решение.

Совет АП СПб приходит к выводу о необходимости направления дисциплинарного производства в отношении адвоката И. в Квалифкомиссию для **нового разбирательства в Квалифкомиссии**, в ходе которого надлежит обсудить замечания, изложенные в настоящем решении, полно, всесторонне и достоверно установить фактические обстоятельства дела, дать им надлежащую юридическую оценку, а также мотивировать свои выводы относительно каждого дисциплинарного обвинения, выдвинутого против адвоката заявителем.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 5 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **большинством голосов**

решил:

дисциплинарное производство № в отношении адвоката И. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) **направить** в Квалификационную комиссию АП СПб для **нового разбирательства**.

Президент

Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.